

ва и самого О. Так, О. считал, что хотя «жесткая» эпоха и отняла у поэтов право на изображение трагического, долг истинного поэта — возвращение к высокому трагизму.

Для творчества О. и его поэтической биографии определяющее значение имели беседы с А. Ахматовой, М. Зенкевичем, которому О. посвятил исследование **«Тайна молчания»**, П. Антокольским, Н. Заболоцким. При жизни Ахматовой О. опубликовал 2 статьи об ее поэзии. Первая из них **«Стихотворения Анны Ахматовой»**, вышла 23 июня 1959 в «Лит. газ.». Как известно, А. Ахматова называла эту работу О. «прорывом блокады», поскольку она представляла собой первый, после мн. лет молчания, опубликованный в советской периодике отзыв об ахматовской поэзии.

О. пользовался репутацией культуртрегера и пропагандиста незаслуженно забытых или запрещенных поэтов. Так, он исследовал творчество «шестого акмеиста» М. Зенкевича, подготовил к печати и издал поэтические сб. П. Семьиной, Г. Оболдуева, А. Кочеткова и др. О. заслуженно считался первооткрывателем поэтического наследия А. С. Кочеткова, сб. которого **«С любимыми не расставайтесь!»** (1985) подготовил к печати. Но одним из наиболее значительных достижений О. в этой области остается составление, комментирование и подготовка к печати однотомника Б. Л. Пастернака из Большой серии «Библиотеки поэта» (1965). Функцию первооткрывателя О. выполнял и в отношении лит. наследия М. Зенкевича, М. Петровых, С. Боброва.

В собственных поэтических текстах О. охотно экспериментировал с белым стихом, верлибром. Лаконичные и афористичные стих. О. близки к лирическим миниатюрам. Мн. строки О. вошли в речевой обиход, стали афоризмами. Поэт выпустил 17 поэтических сб. Список литературоведческих трудов О. не менее обширен. Так, О. — автор монографических исследований, посвященных поэзии Фета и Тютчева. В 1999, через 3 года после смерти поэта, вышла созданная на основе техники свободного стиха книга мемуаров **«Портреты без рам»** — своего рода летопись встреч О. с определившими его судьбу современниками.

Стихи, проза, эссе публиковались в «Лит. газ.», ж. «Огонек» (1990, № 38), «Арион» (1995, № 3). О. известен и как переводчик украинской, еврейской, абхазской и осетинской поэзии. О. был членом СП СССР (с 1947), председателем Совета по литовской лит-ре СП СССР, комиссий по лит. наследию Ю. Олеши и Я. Белинского, членом редколлегии журналов «Феникс—ХХ», «Академичес-

кие тетради». Награжден орденами «Знак почета», Кирилла и Мефодия 1-й степени (Народная республика Болгария). Заслуженный деятель культуры Литовской ССР (1980), в 1994 — награжден премией ж. «Арион».

Соч.: Приднепровье. Киев, 1940; Ливень. М., 1947; Признание в любви. М., 1957; Светотень. М., 1961; Дороги новый поворот. М.; Л., 1965; Лирика. 1931–1965. М., 1966; Неземное тяготение. М., 1969; Осетинская тетрадь. Орджоникидзе, 1972; Вечерняя почта. М., 1974; Избранные стихотворения. М., 1974; Далекая слышимость. М., 1975; За кадром. М., 1978; Думаю о тебе. М., 1981; Необходимость прекрасного. М., 1983; Золотая свирель. Орджоникидзе, 1985; Земная ось. М., 1986; Аварийный запас. М., 1990; Бездна жизни. М., 1996.

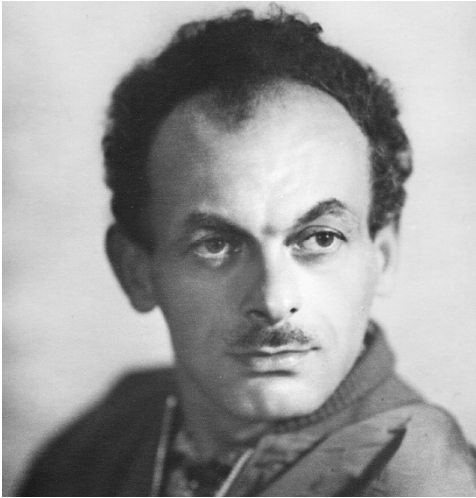
Исследования: Павло Тычина. Киев, 1943; Работа поэта. М., 1963; Труд, страсть, вдохновение. М., 1966; Руски поэти. София, 1967; В мастерской стиха. М., 1968; А. А. Фет. М., 1970; Мастерство и волшебство. М., 1972; Поэзия Тютчева. М., 1975; Стих и стихи. М., 1975; Биография стихотворения. М., 1981; Двойной портрет (О советской школе поэтического перевода). М., 1986; Начала и концы. М., 1989; О Борисе Пастернаке. М., 1990; Дверь в мастерскую. Борис Пастернак. Анна Ахматова. Николай Заболоцкий. Париж; Москва; Нью-Йорк, 1996; Страна русской поэзии. Статьи разных лет. М., 1996; Портреты без рам: сб. статей о русской поэзии. М., 1999.

Лит.: Огнев В. О поэзии Льва Озерова // Лев Озеров. Лирика. 1931–1966. М., 1966; Хелемский Я., АLEXIN A. Слово о поэте // Арион. 1997. № 2.

Е. Ю. Раскина

ОКУДЖАВА Булат Шалвович [9.5.1924, Москва — 12.6.1997, Париж; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве] — поэт, прозаик, драматург, кинодраматург.

Родился и вырос в семье, пострадавшей от сталинских репрессий: отец — крупный партийный работник — был расстрелян, мать долгие годы находилась в концентрационном лагере, погибли мн. близкие родственники О. **«Горестный отсвет катастрофы» (Повести и рассказы. С. 270)** лег на судьбу и творчество поэта, во многом определил автобиографическую канву его произведений. В конце 1980-х О. скажет: «Я хочу воскресить своих близких!» Памяти детства, образам матери и отца, трагедии века, прошедшей по сердцам и судьбам, отрезвлению от детской романтической наивности «сына века» он посвятит цикл стих. **«Арбатское вдохновение, или Воспоминание о детстве»** (1988), автобиографические рассказы **«Девушка моей мечты»** (1985), **«Нечаянная радость»** (1986), роман **«Упраздненный театр»** (1989–1993), получивший Букеровскую пре-

Б. Ш. Окуджав

мию в 1994. В нем звучит «скорбная и неостановимая мелодия утрат», ее полутона откладываются в памяти, в сердце, в душе. О. хотел поймать «золотую рыбку» истории и понять, в чем смысл преобразования человека — «от слепого пухлого ребенка» до 60-летнего мужчины. Герой романа — Отар по документам, Иван Иванович по самоощущению, Ванванч — по малолетству — так же, как и автор, не просто вспоминает о трагедии семьи и своем детстве, но хочет понять причину случившегося. «Собрался к маме — умерла, / К отцу хотел — а он расстрелян. / И тенью черного орла / горийского Весь мир застелен» (Стихотворения. С. 399).

Как «шестидесятник» по мироощущению, О. видит свою задачу в развенчивании сталинизма, о живучести которого он предупреждает во мн. стихах («**Давайте придумаем деспота...**» и др.). В творчестве О. нет конфликта между отцами и детьми; романтика Гражданской войны, героическая чистая юность матери и отца для него святы: «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой, / Когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?» («**Реквием**»). О своей кровной связи с временем, его радостями и трагедиями говорится во мн. его стихах и песнях: «Я знаю этот мир не понаслышке: / Я из него пророс, / Но за его утраты и излишки / С меня сегодня спрос» (Стихотворения. С. 141). Как истинный российский интеллигент О. несет в своем сердце чувство вины и покаяния.

В 1942 прямо из 9-го класса О. ушел на фронт, воевал под Моздоком на минометной батарее, был ранен. По возрасту он принадлежит к поэтам фронтового поколения. Тема

войны — одна из главных в его творчестве. «Грустью и иронией, т. е. моей творческой зрелостью, я обязан главным образом войне. На войне я рассердился на жестокость судьбы, незаслуженно похитившей близких мне людей, но вместе с тем научился великому чувству прощения и понимания... Война все время со мной: попал на нее в молодое, самое восприимчивое время, и она вошла в меня очень глубоко» (Лит. газ. 1984. 25 апр. С. 3). Поэт изображает войну через призму восприятия и переживания «школяра»-мальчика 1930–40-х, вчерашнего школьника, мечтающего о героических подвигах и славе, а попавшего в самое пекло войны, хлебнувшего окопных будней, суровой армейской службы. В автобиографической повести «**Будь здоров, школяр!**» (1960–61) О., следуя традициям Л. Толстого, раскрывает сложный внутренний мир героя, его переживания, страх смерти, боли, слезы, ненависть к войне, трудный путь становления молодой души. В основе повести, а затем и киносценария «**Женя, Женечка и „Катюша“**» (1967, совместно с В. Мотылем) лежит тема преодоления «школярства», взросления героя на войне. Критики упрекали О. за излишний психологизм в изображении «частного человека» на войне, за якобы «дегероизацию» солдат-победителей. Спектакль по повести «Будь здоров, школяр!» был запрещен.

Всенародной любовью пользуются песни О. о войне. Некоторые из них напоминают по форме и звучанию фронтовой фольклор военной поры, например песня «отдельного десантного батальона» («**Мы за ценой не постоим**») к кинофильму «Белорусский вокзал» (1971) или «**Бери шинель, пошли домой**» из кинофильма «От зари до зари» (1975). Поэт скажет: «Мы все войны шальные дети: / И генерал, и рядовой» («**Капли Датского короля**». С. 11), но свои стихи и песни о войне он посвящает прежде всего ее рядовым участникам, незаметным и негероическим внешне, но сохранившим доброту, милосердие, любовь. Поэт ценит в их сердцах «скрытую теплоту патриотизма» (Л. Толстой). Это скромные джазовый, сержант Петров, мальчики и девочки, «повзрослевшие до поры», к ним обращает поэт свою просьбу-призыв: «До свидания, мальчики! Мальчики. / Постарайтесь вернуться назад!» («Капли Датского короля. С. 6»). Войне и смерти противопоставляет О. людское братство. В балладе «**Король**» он воспел бессмертие обыкновенного арбатского мальчишки Ленки Королева, который «кепчонку, как корону, набекрень и пошел на войну», погиб в боях, но

навсегда остался в памяти людей, в жизни московских улиц и дворов.

Свой лирический дар сам поэт связывает с чудесным спасением на войне и предназначением судьбы спеть за тех, кто погиб: «Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня? / Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня. / И так все сошлось, дорогая, / Наверно, я там не сгорел, / Чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой не успел» (Стихотворения. С. 409). Лирический герой О. постоянно путешествует по дорогам памяти, живя «посередине между войной и тишиной», сохраняя в себе черты рыцаря, воина, защитника мира и добра. Война вошла в лирическую ткань и образность поэзии О.: в стихах о любви «отправляется нежность на приступ, / В свои тихие трубы трубя»; «часовые любви» неизменно стоят на улицах Москвы. С темой войны связан и «надежды маленький оркестрик под управлением любви» («**Песенка о ночной Москве**»), и образы «трех сестер милосердных — Веры, Надежды, Любви».

После войны, окончив Тбилисский ун-т, О. учительствовал в школе в д. Шамордино Калужской обл., затем переведен был в город (1950–55). Учитель словесности по образованию, О. запечатлел этот период в грустно-иронических автобиографических рассказах «**Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова**» (1976), «**Искусство кройки и житья**» (1985) и др. и в повести «**Новенький, как с иголки**» (1962).

Переехав в Москву, О. работает в изд-вах, редакциях ж. и газ., печатает стихи. В 1956 вышел его первый поэтический сб. «**Лирика**» (Калуга), через 3 года второй — «**Острова**» (1959). Известность пришла к О., когда он обратился к жанру авторской песни. По просьбе друзей он спел свои стихи под гитару в одной из московских квартир в 1956. «Мои настроения совпали с настроениями эпохи. И все. И поэтому мои песни считали откровениями. Я не преувеличиваю свою роль» («**Интеллигент — не профессия // Комсомольская правда**». 1993. 18 сент. С. 3).

В поэзии О. органически соединились слово, музыка и краски, грусть и ирония, любовь и печаль. Характерный для поэта жанр «песенки» нес в себе черты русского городского романса, фольклора, «пересаженного на городскую почву», традиционной элегии, баллады и др. жанров лирики. Своими учителями О. считает Пушкина и Л. Толстого, Б. Пастернака и Т. Манна, Беранже и Гофмана. «Я начинал с подражания Пушкину, затем Пастернаку», — заметил О. в одной из бесед. Пуш-

кинское начало постоянно присутствует в его поэзии и прозе. Пушкин для него — идеал: «Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему» (Лит. газ. 1984. 25 апр. С. 4). В стих. «**Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину**» (1970) привычная уличная сценка приобретает символический обобщенный смысл: памятник Пушкину из фона, на котором постоянно фотографируются приезжие люди, превращается в пушкинский фон жизни и культуры, критерий добра и порядочности, залог бессмертия человеческой души: «На фоне Пушкина снимается семейство. / Как обаятельны / (Для тех, кто понимает) / Все наши глупости и мелкие злодеяния / На фоне Пушкина. / И птичка вылетает!» (Стихотворения. С. 195). Пушкин объединяет, сближает разных людей, делая их друзьями: «На веки вечные мы все теперь в обнимку / На фоне Пушкина! И птичка вылетает» (Там же. С. 196).

По матери армянин, по отцу грузин, О. считает себя «арбатским человеком, воспитанным на русской культуре литератором». Но «грузинское» лирическое начало звучит во мн. его стихах и образах («**Грузинская песня**». 1967, и др.). О. воспел мир старого Арбата с его особой атмосферой жизни и человеческих отношений во мн. песнях и стихах: «**Ах, Арбат мой, Арбат!**», «**Арбатский дворик**», «**Арбатский романс**», «**Надпись на камне**» и др. Арбат у О. не только городское пространство, но и пространство души, поэзии, судьбы. У арбатского дворика человеческая душа, сама улица течет, как река, движется, несет в себе радость и беду. Арбатское начало породило в поэзии О. множество неологизмов: «Арбатство, растворенное в крови, / Неистребимо, как сама природа» (Стихотворения. С. 263). С гордостью причисляет себя поэт к высокому званию «дворянина с арбатского двора, / Своим двором введенного в дворянство». С музыкой арбатского двора во многом связано бытование жанра городского романса и сентиментальной песенки в лирике О.

Музыкальность, песенность, мелодичность — отличительные особенности поэзии О. По замечанию З. Паперного, «картины окружающей жизни воспринимаются Окуджавой музыкально, как мелодия, которая словно вбирает в себя слова» (Паперный З.— С. 231). И вдохновение у него неотделимо от ожидания мелодии как некоего особого начала: «И вот, уже от слез на волосок, / Я слышал вдруг, / Как раздавался четкий / Свихнувшейся какой-то нотки / Веселый и счастливый голосок» (Стихотворения. С. 151).

Музыкальность обнаруживается в каждой клеточке стихов О., в рефренах и повторах, вопросах и восклицаниях: «Ах, музыкант мой, музыкант!», «„Ты что потерял, моя радость?“ — кричу я ему» и т. д., в романтическом «струении» стиха, музыкальной ритмической и интонационной волне. Музыка как своеобразная героиня творчества О. объединяет и восстанавливает разрушенную гармонию: «Все стало на свои места, едва сыграли Баха...» (Стихотворения. С. 137). Когда «замолкают оркестры Земли», торжественные и официальные, начинает звучать другая музыка — негромкая и задумчивая. С любовью и нежностью пишет поэт о музыкальных инструментах, своих друзьях: это «старенькая скрипка», на которой играет Моцарт, «просто играет — всю жизнь напролет», это труба и барабан, черешневый кларнет, фого, который, «как старый посох, стерт», одинокая шарманка, наконец — гитара, «спутник верный». «Пусть друг недолгий в нас камень кинет, / Пускай завистник свое кричит — / Моя гитара меня обнимет, / Интеллигентно она смолчит» (Стихотворения. С. 223). Постоянными героями песен О. становятся музыканты, флейтисты, барабанщики, все, благодаря кому «целый век играет музыка».

Во второй половине XX в. О. воскресил в русской поэзии любовную лирику и ее музыкально-разговорные жанры. Стихи О. строятся по романсовому сюжету любовного романа со всеми его перипетиями. В романсах утверждается самоценность человеческой личности с ее чувствами и переживаниями, «тайник индивидуального сознания» (Г. Гуковский). «Русского романса городского / Слышится загадочный мотив, / Музыку, дыхание и слово / В предсказанье судеб превратив. / За волной волна, и это значит: / Минул век, и не забыть о том... / Женщина поет. Мужчина плачет. / Чаша перевернута вверх дном!» (Стихотворения. С. 493). Прекрасная женственность окружена в романсах О. романтическим ореолом королевства: «Женщина, Ваше Величество!» — восклицает поэт, верный рыцарь Прекрасной Дамы, черты ее он видит в своих современницах: «В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы!» (Стихотворения. С. 236). По отношению к ней поэт соблюдает старинный (и несколько старомодный) ритуал в обращении, разговорах, поклонении и любви: «Вы в глаза ее взгляните, / Как в спасение свое, / Вы сравните, вы сравните / С близким берегом ее» (Стихотворения. С. 27). Сердце поэта всегда настроено на любовь. Женственное начало видит он в природе, случайной бабочке, новогодней ели, снежной бабе, в своей поэзии. Одушевлены в поэзии

О. и др. общечеловеческие чувства и понятия: Совесть, Благородство и Достоинство, Вера, Надежда, Любовь, Страдание. О. считает, что мир спасет не красота, а страдание. Любимый образ поэта — образ Надежды. Верить и надеяться призывает он своих слушателей и читателей, заражая их эмоционально, переживая вместе с ними. «Его стихи чаще строятся как движение от себя — к другу, любимой, природе», — заметил З. Паперный (Паперный З.— С. 240). Побуждение к добру, братству звучит в лирических обращениях поэта, ставших поэтическими афоризмами, формулой этического поведения: «Возьмемся за руки, друзья, / Чтоб не пропасть поодиночке!», «Давайте говорить друг другу комплименты, / Ведь это все любви счастливые моменты!» и др.

От первых простоватых и непосредственных «песенок» О. идет к лирике психологической, размышляет над вечными проблемами бытия. За внешне будничным, бытовым содержанием «житейских мелочей», «милостей судьбы», простых истин вдруг обнаруживается общечеловеческий, философский смысл. В песенке о голубом шарике, похожей по звучанию на детскую считалку, полет голубого шарика, улетевшего от девочки, сопровождает все этапы человеческой жизни — от детства, юности к взрослости и старости — с их тщетными надеждами на счастье. В лирическом подтексте возникает мотив надежды: голубой шарик детства возвращается как голубой шарик вечности.

В 1980–90-е в творчестве О. произошли некоторые изменения. Сыновнее отношение к времени уступило место зрелому отцовскому чувству, появилась философская «итоговая» интонация, тема смерти. Романтическое бездомье юности сменилось чувством дома, в котором все соразмерно желаниям поэта. В сб. «Милости судьбы» (1993) и цикле «Житейские мелочи» (1995) О. дает реалистические зарисовки жизни, обращается к дневнику путешествия по разным странам, разговаривает с современниками — живыми и мертвыми друзьями, размышляет о времени, народе и толпе: «Что ж, век иной. Развеваны все мифы, / Повержены умы. / Куда ни посмотреть — все скифы, скифы, скифы. / Их тьмы, и тьмы, и тьмы» (Стихотворения. С. 518). Кажется, стих утратил мелодию, стал разговорным, поэт хочет не пропеть, а рассказать о жизни, ответить на все вопросы («Я вас обманывать не буду»). Но все-таки О. остается верен себе. «Мы романтики старой закалки / Из минувшей и страшной поры. / Мы явились на свет из-под палки, / Чтоб воспеть городские двory», — скажет он

в стих., посвященном Н. Матвеевой. Лирический герой остро ощущает свою вину и готов расплатиться за надежду «самой горькой дворовой ценой» (Стихотворения. С. 503).

Кроме автобиографической прозы, О. пишет исторические романы: **«Бедный Авросимов»** («Глоток свободы», 1969), **«Путешествие дилетантов»** (1971–77), **«Свидание с Бонапартом»** (1979–83) и др.

Увлеченный эпохой декабризма, ее истоками и последствиями для русской истории, О. создает своеобразную трилогию о сложном соотношении вольнолюбивых теорий и программ преобразования России с непосредственным житейским морем, реальной жизнью и чувствами людей, их любовью, семьей и бытом. Романтическая в своей основе, проза О. следовала не за конкретными историческими документами и фактами, хотя они в ней есть. Писателя привлекает «домашняя», человеческая суть русской истории, не столько события, сколько их восприятие и переживание героями. При этом он замечает: «В каждом герое — я. Герой насыщен тем, что мучает меня, что бушует во мне» (Вечерний Ленинград. 1984. 7 мая. С. 3). По структуре романы представляют собой заметки из дневника, письма, воспоминания, проза порой перебивается стихами, становится лирической.

В романе «Свидание с Бонапартом» война 1812 изображена как бы периферийно, не с поля сражений, а из дворянских усадеб и сожженных московских домов. Автор и его герои размышляют о «французских вольтерровских соблазнах» и игре русских аристократов в чужую революцию, о превращении кумира Наполеона в захватчика и оскорбителя России. В творчестве О. всегда присутствует своеобразная оппозиция «сумасбродства» и «здорового смысла» в русских интеллигентах. В «Свидании с Бонапартом» это, с одной стороны, Тимоша Игнатъев, его дядя генерал Николай Опочинин и «нормальный молодой человек» Пряхин — с другой.

Герой романа «Бедный Авросимов» — дворянский недоросль, вроде пушкинского Петруши Гринева, волею судьбы оказывается на самом грёбе исторических событий и сталкивается лицом к лицу в Тайной следственной комиссии с «государственным преступником и злодеем» П. Пестелем. Не разумом, а детским сердцем герой О. начинает понимать трагическое величие декабриста, жалеет его, преданного вечно, даже готов устроить ему побег. Но «глотка свободы» оказалось явно мало для успеха дела.

В «Путешествии дилетантов» противостояние судьбе, гос. системе, атмосфере всеобщего

доносительства воплощается в романтической непреклонной любви Сергея Мятлева, друга Лермонтова, и Лавинии Ладимировской. Вся мощь государства и светской морали обрушивается на двух любящих, их преследуют, ловят, судят, пытаются подчинить их чувство «нормальным» законам и правилам. Но любовь оказывается той силой, которую не одолеть, и различить героев может только смерть. На материале истории О. пишет о современности, о себе, своей любви: «Пока не замело следы их на крыльце / И ложь не посмеялась над судьбою, / Я написал роман о них, но в их лице / О нас: ведь все, мой друг, о нас с тобою» (Стихотворения. С. 253). Историческую прозу О. называют ретроспективной, потому что в каждом романе присутствует лит. маска рассказчика из будущего, иногда им бывает автор, в руки которого попадает дневник или записки какого-нибудь «частного человека» из прошлого. В стих. с прозаическим названием **«Я пишу исторический роман»** О. отстаивает свое право на творческую свободу: «Каждый пишет, как он слышит, / Каждый слышит, как он дышит. / Как он дышит, так и пишет, / Не стараясь угодить / И пока еще жива / Роза красная в бутылке, / Дайте выкрикнуть слова, / Что давно лежат в копилке» (Стихотворения. С. 506).

О. считал себя человеком со счастливой лит. судьбой. «Судьба меня закалила, многому научила и в то же время не лишила способности выражать себя теми средствами, которыми наделила природа. Хорошо или плохо я ими распорядился — не мне судить. Во всяком случае, я очень старался» (Лит. газ. 1984. 25 апр. С. 3).

В 1960–70-е официальная критика в основном негативно оценивала поэзию О., считая, что его «песенки» не отражают «потребности героической советской молодежи», а зовут в мир абстрактных чувств. О. как члену СП СССР и КПСС настоятельно советовали выступить в печати с осуждением своего творчества. Запрещались спектакли по произведениям О., не выпускались пластинки с его песнями. В годы перестройки появилась возможность свободно говорить, выступать, печататься, выезжать за границу. Поэт был вице-президентом российского ПЕН-центра, входил в совет общества «Мемориал», работал в комиссии по вопросам помилования. О. награжден орденом «Дружбы народов». Его произведения переведены на мн. яз. мира. После смерти поэта в пос. Переделкино под Москвой был создан Музей Булата Окуджавы, организован Фонд его имени, проводятся науч. конференции, выпускаются сб. статей. Творчество О. органично вписалось в историю русской лит.-ры XX в.

Соч.: Чаепитие на Арбате. М., 1996; Стихотворения / вступ. статья Л. С. Дубшана и В. Н. Сажина. СПб., 2001. (Новая библиотека поэта); Избранные произведения: в 2 т. М., 1989; Будь здоров, школяр!: повесть. М., 1987; Капли Датского короля: Киносценарии. Песни для кино. М., 1991; Автобиографические анекдоты: Гений. Гитарист. Мистика. М., 1997; Упраздненный театр: Семейная хроника. М., 1995.

Лит.: Белая Г. В контексте худож. мира // Лит-ра в зеркале критики. М., 1986; Паперный З. За столом семи морей // Единое слово. Статьи и воспоминания. М., 1983; Аннинский Л. Барды. М., 1999; Новиков В. Булат Окуджавы // Авторская песня. М., 1997; Рассадин Ст. Булат Окуджавы. М., 1999; Чайковский Р. Р. Милости Булата Окуджавы. Магадан, 1999; Памяти Булата Окуджавы // Лит. обозрение. 1998. № 3 (подробная библиография); Булат Окуджавы // Цветной бульвар, 30: спец. выпуск. М., 1997; Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века М., 2001; Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате. Н. Новгород, 2003; Булат Окуджавы: его круг, его век. М., 2004; Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Вып. 1. М., 2003; Вып. 2. М., 2005.

Н. Н. Кякшто

ОЛЕЙНИКОВ Николай Макарович [23.7(5.8). 1898, ст. Каменская Обл. Войска Донского (ныне — Ростовская обл.) — 24.11.1937] — поэт, прозаик.

«Он был сыном богатого казака, державшего в станице кабаки, и ненавидел своего отца... Все его взгляды, вкусы, пристрастия выросли в нем из ненависти к окружавшему его в детстве быту,— свидетельствует Н. Чуковский.— Родня его сочувствовала белым, а он стал яростным большевиком, вступил сначала

Н. М. Олейников

в комсомол, потом в партию. Одностаничники избили его за это шомполами на площади,— однажды он снял рубаху и показал мне свою красную спину, покрытую жутким переплетением заживших рубцов» (Цит. по: Мы знали Евгения Шварца. С. 29).

Окончив 4-классное Донецкое окружное училище и продолжив образование в Каменской учительской семинарии, О. стал красногвардейцем, дважды подвергся аресту белоказаками. Бежал. В начале 1920 был включен в состав редколлегии газ. «Красный казак». В 1921 поступил в педагогический техникум Ростова, но вскоре переехал в г. Бахмут (ныне — Артемовск) и организовал там издание лит.-худож. ж. «Забой». На его страницах стали печататься Б. Горбатов, Е. Шварц и др. ставшие известными литераторы. В 1925 О. был направлен на работу в газ. «Ленинградская правда». Н. Чуковский рассказывал: «Он показал мне официальную справку, с которой приехал в Петроград. Справка эта, выданная его родным сельсоветом, гласила: „Сим удостоверяется, что гр. Олейников Николай Макарович действительно красивый. Дана для поступления в Академию художеств“. Печать и подпись. Олейников вытребовал эту справку в сельсовете, уверив председателя, что в Академию художеств принимают только красивых» (Там же. С. 29).

Страсть к розыгрышам, мистификациям помогла найти О. должное место в лит-ре. Он стал сотрудничать в ж. «Новый Робинзон». Его редакция вскоре была преобразована в Детский отдел Госиздата, где наряду с С. Маршак-ом О. занял одно из ведущих мест. В это время он проявил себя как писатель, создавший новый жанр — публицистика для детей, где в увлекательной форме молодым читателям раскрывался широкий круг науч. и общественно-исторических проблем. На страницах ж. «Еж» и «Чиж» воображением О. был создан яркий образ путешественника и изобретателя Макара Свирепого, от лица которого писатель стал рассказывать о географии, физике, биологии (в детстве О. мечтал стать естествоиспытателем, увлекался математикой), о важнейших событиях истории. На основе публикаций в созданных им ж. в 1920–30-х О. выпустил несколько десятков книг для детей: озорное повествование «**Хитрые мастера**» (1929), головоломные «**Живые загадки**» (1928), иронические портреты современников — «**Блошинный учитель**» (1930) «**Учитель географии**» (1932), доверительные рассказы о Гражданской войне — «**Боевые дни**» (1927), «**Танки и санки**» (1929) и мн. др. Совместно с Е. Шварцем О. создал ряд киносценариев, по которым бы-